ПОЭТИКА РАССКАЗА Л.Н.ТОЛСТОГО «ЧЕМ ЛЮДИ ЖИВЫ»

Деревянкина Наталья Анатольевна,

учитель русского языка и литературы

МБОУ «СОШ №11»

г. Старый Оскол

Аннотация: Рассказ Л.Н.Толстого «Чем люди живы» относится к серии «народных рассказов», в которых писатель преследовал цель - «преодоление разрыва между книгой, народом и жизнью». Взяв установку на общедоступность, Толстой пользуется самыми простыми приёмами и изобразительными средствами. В 12 главках с помощью деталей, монологов, диалогов прослеживается динамика внутреннего и внешнего поведения героев. Остальное проявится в действиях, поступках, которые являются главным средством раскрытия характера в поэтике «позднего» Толстого. Использование различных приёмов контраста сводится к выражению основного конфликта: столкновения добра и зла, граница между которыми зыбка и неопределённа. В рассказе соединены традиции устного народного творчества и древней учительной литературы. Главное в поэтике рассказа – простота и ясность, что делает его доступным самому неподготовленному читателю.

Восьмидесятые годы – новый этап в творческом пути Л.Н.Толстого, когда его занимает жизнь народа и он ищет ответы на вопросы: «чем люди живы?», «много ли человеку земли нужно?».

В основанном в 1884 году народном книгоиздательстве «Посредник» писатель публикует «народные рассказы», подтвердившие в очередной раз, что «художественный мир Толстого не представляет собой нечто недвижное; писатель всё время меняется»[1]. Со страниц небольших по объёму произведений, правдиво отразивших крестьянскую жизнь, предстаёт другой Толстой, обвинённый многими критиками в примитивизме, в огрублении и обеднении языка, в отсутствии подробностей психологической характеристики героев и в излишней нравоучительности.

В наше время толстовские «народные рассказы» представляются «образцами жанрового лаконизма и простоты»[4]. Убедимся в этом на примере рассказа «Чем люди живы», опубликованном впервые в 1881 году в журнале «Детский отдых».

В научной литературе неоднократно отмечалось, что в основе рассказа – легенда «Архангел», услышанная и записанная от олонецкого крестьянина, известного сказителя былин В.П.Щеголёнка, гостившего в Ясной Поляне летом 1879 года. Некоторые сцены толстовского произведения почти полностью совпадают с источником. Эти совпадения, равно как и особенности языка, стиля, композиции, подробно прослеживают в своих работах В.Калугин[2], Е.Н.Купреянова[3].

Сопоставляя источники с текстом, легко убедиться, что легенды превратились под пером писателя в совершенно новое художественное произведение.

Рассмотрим поэтику рассказа, открывающегося экспозицией: «Жил сапожник с женой и детьми у мужика на квартире…»

Завязка с самого начала выражает проблему нравственного выбора. Противоположные чувства борются в душе Семёна: «Подойти или мимо пройти?», «Что с ним, с голым, делать?» Хотел Семён пройти мимо замерзающего незнакомца, «да зазрила его совесть». «Повернулся Семён и пошёл к человеку».

В основной части повествуется о жизни Михайлы в доме Семёна, о том, как за то время, что жил здесь, он улыбнулся всего три раза. В первый, когда Матрёна пожалела и накормила его, во второй раз, когда приехал барин. В третий раз Михайла улыбнулся во время встречи с женщиной и двумя девочками-сиротками.

Кульминационный момент – разгадка «чуда»: Михайла оказался ангелом, наказанным Богом и посланным на землю, чтобы «узнать три слова Божии: «что есть в людях», «чего не дано людям», «чем люди живы».

Развязка – внезапное исчезновение ангела.

В заключительной, 12-й главе даётся ответ на вопрос, поставленный в заглавии: «…жив всякий человек не заботой о себе, а любовью».

В рассказе два плана: реальный, бытовой и религиозно-мистический. Крестьянская бытовая обстановка изображена несколькими заметными

штрихами, правдиво отражающими народный быт. Фантастичность, таинственность в движение сюжета вносит образ ангела. Он создаётся в произведении не сразу. Вот как предстаёт незнакомец в восприятии Семёна: «что-то» - «чудо» - «человек» - «странник» - «Михаил» - «не простой человек» - «ангел». Семён, отправившись в село за шубой, увидел, что возле часовни «что-то белеется». «С головы похоже на человека, да бело что-то». «Что за чудо? – недоумевает герой. На наш взгляд, «чудо» - ключевой образ-понятие произведения, разгадать который читателю предстоит по мере развития сюжета. С самого начала некая тайна окружает странника : «Я не здешний».

По мере движения рассказа «постепенно, незаметно прибавляется черта за чертою, примета за приметою»[5]. Во второй главе мы уже видим: «…человек молодой , в силе, не видать на теле побоев , только видно – измёрз человек и напуган; сидит, прислонясь, и не глядит на Семёна, будто ослаб, глаз поднять не может.»

Деталь-жест дополняет портрет, передаёт психологическое состояние: «И такой бесконечно-сложный, разнообразный смысл получает у него порой одно движение, одно положение человеческих членов»[5]. Незнакомец «сидит, прислонясь», «прислонён к часовне и не шевелится». Положение передаёт беспомощность, боязнь остаться одному и замёрзнуть, выражает надежду найти опору, защиту.

Портрет конкретизируется, уточняется: «…тело тонкое, чистое, руки, ноги неломаные и лицо умильное». Несмотря на подробное описание, человеческая фигура остаётся как бы бестелесной, привлекает внимание другое: «лицо умильное», пленяя своей предельной одухотворённостью, благородством, тонкостью. Есть в нём покоряющее, магнетическое. Взгляд странника, совершенно необыкновенный, многовыражающий, проникает в душу и сердце Семёна, а потом и Матрёны. «И с этого времени полюбился человек Семёну».

«…Не только у лица, но и у всего тела есть своё выражение, своя духовная прозрачность – как бы своё лицо»[5]. В четвёртой главе видим: «Сидит странник – не шевельнётся, как сел на краю лавки. Руки сложены на коленях, голова на грудь опущена, глаз не раскрывает…» Есть в нём высшая красота, святость, это чувствует «бабьим» сердцем Матрёна: « Хотела Матрёна изругаться, да поглядела на странника и замолчала»

Образ незнакомца материализуется, обретает чрезвычайно значимое, духовное по своей природе имя. «Михаил» в переводе с древнееврейского означает «подобный Богу». Один из архангелов носил это имя.

Семён замечает странности в поведении гостя: «Вижу я, Михайла, что ты не простой человек…» «Не простой человек» открывает свою тайну: «Был я ангел на небе…» Силою своего таланта Толстой-художник заставляет нас поверить в правдоподобие происходящего.

В научной литературе не раз отмечалось, что в стиле «позднего» Толстого нет особого психологизма, изображения внутренней жизни героев, того пристального внимания к «диалектике души» , которое отличало писателя прежде. Однако от психологического раскрытия он не отказывается. Детали, монологи, диалоги раскрывают внутренний мир героев рассказа «Чем люди живы». Неизбежно вызывает симпатию доверчивый, бескорыстный, бесхитростный Семён. Частично его внутренний мир приоткрывается в монологе: « - Ты чего же это, - говорит на себя, - Семён, делаешь? Человек в беде помирает, а ты заробел, мимо идёшь. Али дюже разбогател? Боишься ограбит богатство твоё? Ай, Сёма, неладно!»

Размышления Матрёны о муже: « Не обманул бы его овчинник. А то прост уж очень мой-то. Сам никого не обманет, а его малое дитя проведёт», - дополняют его характер.Семён – тот самый « человек душевный», который «никогда и нигде не являлся…с такою потрясающей правдою и обнажённостью, как в произведениях Л.Толстого»[5].

Остальное проявится в действиях, поступках, которые являются главным средством раскрытия характера в поэтике «позднего» Толстого.

«Дети мои! Станем любить не словом или языком, но делом и истиной», - гласит один из эпиграфов. Сапожник помог беспомощному человеку, пригрел его, накормил, оставил жить у себя. Матрёна отдала гостю портки и рубаху, поставила на стол чашку и выложила последнюю краюшку хлеба. Поступки героев служат основной их характеристикой, в существенные моменты выражают идеальную норму человеческого поведения. Человек должен руководствоваться в жизни христианскими нравственными принципами – основная мысль «народных рассказов» Толстого. Такое знание преподносится как истина, не нуждающаяся в объяснении.

Контраст – ещё один решающий принцип изображения многих произведений толстовского «позднего» периода. Контрастность двух миров, двух сословий показана в рассказе «Чем люди живы» следующим: «У тебя и дом, и скотина, и всё, а я весь тут; у тебя свой хлеб, а я на покупном». Приём контраста используется и в портретной характеристике: «Сам Семён поджарый и Михайла худощавый… а этот как с другого света человек.» Большое значение приобретает этот метод в раскрытии внутренней психологической борьбы в душе Семёна, увидевшего замерзающего незнакомца: «Подойти или мимо пройти?»

Взяв установку на общедоступность, Толстой пользуется самыми простыми приёмами и изобразительными средствами, соединяя традиции устного народного творчества и древней учительной литературы.

Как и народные сказки, рассказ начинается с традиционного зачина: «Жил сапожник с женой и детьми у мужика на квартире». Развязка даёт благополучный конец: «И когда очнулся Семён, изба стояла по-прежнему, и в избе уже никого, кроме семейных, не было». Используется также приём троичности: три раза улыбается странник, «с третьего дня стал работать, как будто век шил», на земле ему «надо было узнать три слова Божии». Часто употребляются слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «бумажка» , «соколик»,«хозяюшка», «башмачок» и т.д. Широко применяются пословицы и поговорки. «Видно, пословица не мимо молвится:

без отца, матери проживут, а без Бога не проживут», «Живы будем, сыты будем».

Образы народности Толстой находит и в произведениях древнерусской литературы. Как уже отмечалось, рассказ «Чем люди живы» - это вариант древней религиозно-нравственной притчи, записанный от олонецкого сказителя. Этот жанр помогает писателю воплотить нравственные идеалы наших предков, выразить простейшие заповеди: любите друг друга, помогите страдающему, делайте друг другу добро. Эпиграфы к рассказу, взятые из Послания Иоанна, также проповедуют любовь к ближнему.

В древнерусской литературе всегда осуждаются и наказываются грешники. И на страницах рассказа появляется «как с другого света человек», барин, приехавший заказывать сапоги, а получивший босовики, ибо «не дано знать ни одному человеку – сапоги на живого или босовики ему же на мёртвого к вечеру нужны». Лишённый чувства сострадания к людям, барин мёртв уже при жизни. «Не любящий брата своего пребывает в смерти»,- подтверждает эпиграф из Библии. «И действительная смерть приходит к нему как закономерное завершение всей его бесполезной жизни».

Так, используя традиции устного народного творчества и древней учительной литературы, Толстой создаёт «нечто вроде собственного фольклора»[7], «одно из величайших достижений словесного искусства конца века»[1].

Литература

1.Берковский Н.Я. О мировом значении русской литературы/ Н.Я.Берковский. – Л., 1975. - С. 180.

2.Калугин В.И. «Олонецкой губернии былинщик» в гостях у Толстого/ В.И.Калугин. – Прометей. – 1980.

3.Купреянова Е.Н. Эстетика Л.Н.Толстого / Е.Н.Купреянова. – М.; Л., 1966.

4.Леонов Л.М. Слово о Толстом // Собр. соч.: В 10 т. / Л.М.Леонов. – М., 1972. - С.275.

5. Мережковский Д.Л. Л.Толстой и Достоевский: Вечные спутники/ Д.Л.Мережковский. – М., 1995. - С.74, 76, 75, 80.

6.Чудаков А.П. Слово – вещь – мир: От Пушкина до Толстого/ А.П.Чудаков. – М., 1992 .- С.133.

7.Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой / Б.М.Эйхенбаум. – Л., 1969. - С.1